

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

СОЛОВКИ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Соловки / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 167 с.

ISBN 978-5-519-99189-6

ISBN 978-5-519-99189-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

дающіеся и обремененныя, и Азь упокою вы». Низко склонились включенныя головы крестьянъ-богомольцевъ. Гдѣ-то въ углу отъ сознанія яснаго счастья рыдала старуха, прошедшая тысяча верстъ, въ чаяніи помолиться надъ мощами Соловецкихъ угодниковъ. У самыхъ дверей часовни двѣ сгорбленныя нищенки протягивали къ намъ закорузлыя, тощія руки. И для этихъ нѣтъ—здѣ пребывающаго града, и эти вѣрують — въ Іерусалимъ грядущій!.. И отрадная вѣра спасетъ ихъ отъ отчаянія, отъ тяжелаго сознанія ужаса своего положенія.

О ты—горній, грядущій Іерусалимъ! Не одно изстрадавшее, облитое кровью сердце бьется великою вѣрою въ твое пришествіе. Не одинъ грустный взглядъ измученнаго устремляется въ синюю, бездонную высь, слѣдитъ за серебристо-бѣлыми ея облаками, словно испытывая, гдѣ сверкають стѣны этого града, гдѣ сіяють купола его, гдѣ зыблются и шепчуть, зеленѣютъ и цвѣтутъ благоуханныя сады Эдема...

Намъ, кого жизнь придавила своею тяжелою пятою, намъ, оставляющимъ капли лучшей крови своей на каждом

чему-то удивляющіеся, чего-то непонимающіе. Между ними сновали бабы, растерянные, суетливыя.

А вотъ среди общаго движенія — равнодушный ко всему, съ трубочкой въ зубахъ, отставной ундеръ. Шинель его въ лохмотьяхъ, одна нога въ лаптѣ, другая въ какихъ-то опоркахъ, на головѣ вмѣсто шапки какая-то невообразимая кошка, но взгляните въ это спокойное лицо, и вы поймете, какъ мало смущаютъ его тревоженія и бѣдствія его жизни. Была бы засыпка табаку, краюха хлѣба въ сумѣ, — а тамъ хоть трава не расти. Двѣ, три медали болтаются на груди его, въ рукахъ костыль, а рядомъ съ нимъ ребятишко, маленькій, курносенькій, быстроглазый.

— Сынъ, что ли? — спросили мы его.

— Какое! Такъ... На дорогѣ его поймалъ — безъ роду, безъ племени. — И онъ погладилъ его шаршавую голову жесткою, крупною рукою... — При мнѣ и кормится...

Вотъ гдѣ-то запричитала баба. Толпа кидается къ ней.

— Что съ тобою, бабушка?

— А ты не горюй, — вступается монахъ, — ты не горюй Вѣра твоя спасетъ тебя... Усердія одново довольно!

— Да, какже я до угодничковъ доберусь то, корми-илецъ?

— На пароходѣ даромъ свеземъ.

— Родной ты мой... А билетъ-отъ?

— Какъ-нибудь... Не горюй... Поди въ часовню — помолись, какъ рукой сниметъ!

— Сниметъ?

— Сниметъ, какъ не снять, — загладѣла толпа. — Ступай, матка, въ часовню... Сниметъ разомъ!

И старуха, плача, поплелась въ часовню.

Тутъ въ первый разъ мнѣ кинулось въ глаза различіе между монахами Троицко-Сергіевской лавры и Соловецкаго монастыря. Когда я ѣздилъ въ первую, меня въ подворьѣ встрѣтилъ монахъ въ рясѣ ліонскаго бархата, съ золотою часовою цѣпочкой на груди и кольцами на рукахъ. Тутъ же всѣ попадавшіеся на встрѣчу монахи носили толстаго чернаго сукна рясы и грубые крестьянскіе сапоги.

славецъ, въ сѣромъ драповомъ халатѣ, тащить на плечахъ безногаго уродка. Тоже богомольцы. А тамъ за ними, словно фонъ картины, цѣлые десятки однообразныхъ сѣрыхъ армяковъ, въ перемежку съ синими сарафанами.

— Можно осмотрѣть, гдѣ помѣщаются богомольцы?

— А пожалуйста, вотъ по той лѣсенкѣ!

Мы поднялись — и вошли. Большія, выбѣленные комнаты, съ нарами по срединѣ. Все чисто. Воздухъ свѣжъ, вентиляція устроена хорошо. Кучка богомольцевъ галдѣла о какихъ-то пошехонскихъ старушкахъ, дѣлающихъ чудеса на Ивановъ день. Въ углу слѣпой пѣлъ пѣсню объ Алексіѣ - Божіемъ человѣкѣ. Гнусливый, носовой напѣвъ смѣшивался съ густымъ храпомъ спавшаго на нарахъ судорабочаго. Въ другой комнатѣ — были женщины. Тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ гвалтъ неописанный. Двѣ, ветхія денщи старушонки съ утиными носами, рѣзко выдѣлявшимися на съезжившихся въ кулачекъ личикахъ, перекорялись одна съ другою изъ-за какого-то калача. Старая бѣдняга-чиновница гор

— А моря не встрѣчала?

— Было, признаться, одно море, гдѣ фараонъ съ воинствомъ на колесницѣхъ—потопъ. Иначе, какъ мы подошли, такъ оно сейчасъ и отхлынуло. Мы по бѣлому, бѣлому песочку, съ золотыми и брулльянтовыми камнями, такъ и прошли. Какъ на бережокъ вышли—вода опять сошлась. Чудо!.. И сколько чудесъ этихъ—не перечесть. И все—чудеса разные. Въ одномъ мѣстѣ водой дѣвствуетъ, въ другой—огнемъ, а въ третьемъ—ароматомъ на тебя пускаетъ... Да, сподобилась я, грѣшная, за мое сиротство горькое, да за добродѣтель мою. Смирение—великое дѣло передъ Господомъ!

Мы вышли отсюда.

Нужно было справиться о цѣнѣ переѣзда въ Соловки, на пароходахъ этого монастыря.

Въ конторѣ подворья намъ дали билеты на каюты I класса.

Каюты перваго класса, на 4-хъ человѣкъ, стоятъ въ Соловки и обратно 12 р., втораго класса 8 р., мѣсто въ общей каютѣ перваго класса (въ два конца за все) — 6 р., во второмъ — 4 р., третьеклассныя мѣста на п

умереть въ Соловецкомъ подворьѣ, все равно, что умереть въ самомъ монастырѣ. Значить, все поближе къ царствію небесному.

— Много-ль у васъ богомольцевъ скопляется одновременно?—спросилъ я, уже выйдя изъ подворья, у подвернушагося мнѣ монаха.

— Человѣкъ по 900 бываетъ!

— И все крестьяне?

— Крестьяне!

— Изъ какихъ больше губерній?

— Вятской, Пермской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, да почти со всей Россіи идутъ сюда. Какъ начнется судоходство, народъ и валить. Теперь еще отошло. Все же въ годъ тысячъ двадцать пять перебываетъ, до тридцати доходить... Вы тоже къ намъ?

— Да.

— Поѣзжайте; есть, гдѣ помѣститься. У насъ мѣста святыя! Аѳонъ Русскій—наши Соловки!

И такъ, въ Русскій Аѳонъ!

Пароходъ «Вѣра».

Мы отправились изъ Архангельска въ Соловки лѣтомъ 1872 года на монастырскомъ пароходѣ «Вѣра». Солнце въ городѣ пекло немилосердно. Все обѣщало спокойное плаваніе. На небѣ ни облачка, флаги на мачтахъ судовъ неподвижно повисли. Двина была зеркальная. Ни малѣйшей ряби...

Толпа на пристани казалась все меньше и меньше, отдѣльныя лица сливались въ одну массу и, наконецъ, исчезли вовсе, когда пароходъ, слѣдуя теченію рѣки, круто повернулъ направо.

Насъ въ каютѣ собралось немного: кака-то старалѣва съ подвязанною щекою и маленькими, бойко бѣгавшими глазками. Толстый вятскій купецъ бесѣдовалъ въ углу о душеспасеніи, о приближеніи грядущаго града съ «батюшкой» — красивымъ старикомъ, отличавшимся тѣмъ хитро-добродушнымъ выраженіемъ лица, которое составляетъ едва ли не главную отличительную черту всѣхъ чисто-великорусскихъ фizioномій.

Первые полчаса мы знакомились съ пароходомъ.

Тутъ все поражало насъ удивленіемъ. Командиръ парохода, рулевой, машинистъ, матросы — весь экипажъ его состоялъ изъ мона

было приказаній вовсе. Движенія его руки опредѣляли каждый шагъ корабля, превосходно выполнявшаго эту безмолвную команду. Высоко, на главной мачтѣ парохода, сверкалъ яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ вызолоченный крестъ, вмѣсто флага. Вотъ на него опустилась, словно серебряная, чайка, и, отдохнувъ съ распростертыми крыльями одно мгновеніе, она ринулась въ недосыгаемую высоту такъ быстро, что у насъ невольно захватывало дыханіе, когда мы слѣдили за ея полетомъ. Рѣзкій, словно плачущій, крикъ ея донесся оттуда.

Палуба была вся загромождена богомольцами.

Всѣхъ пассажировъ пароходъ везъ около 450 человекъ.

Это — прекрасное винтовое судно, купленное монастыремъ за безцѣнокъ и крестьянами-монахами передѣланное для Бѣлаго моря. Легкій на ходу, быстрый пароходъ «Вѣра» совершенно приспособленъ къ этимъ капризнымъ и опаснымъ водамъ.

Мы втроемъ присѣли у самого края кормы на кругѣ свернутаго каната и невольно заглядѣлись на широко разстилающуюся позади даль, окаймлявшую зеленовато-с

Кое-гдѣ вдоль береговой линіи, будто крылья чаетъ, мелькали паруса. Они, казалось, вовсе не подвигались впередъ.

Въ самомъ центрѣ зеленой каймы, тамъ, гдѣ правая и лѣвая сторона ея почти смыкались передъ нами, висѣлъ въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ бѣлый городъ; какъ мелкія искры блистали, мѣняя постоянно направленіе своихъ лучей, куполы церквей и соборовъ. Съ каждымъ движеніемъ парохода то выдвигались бѣлыя линіи набережной, то вырѣзывались бѣлые силуэты колоколенъ. Городъ поднимался надъ рѣкою все выше и выше. Казалось, между нимъ и уровнемъ воды легла смутная, мгlistая полоса... она все ширилась и ширилась... искра за искрой пропадала надъ нею; бѣлая линія суживалась и сокращалась... Вотъ и все погасло, только одна точка еще лучится, когда взглядишься въ эту даль. Одна слабая точка, да и та, кажется, высоко въ небѣ. И она потухла, и зеленые берега сомкнулись передъ нами.

А впереди были облака, вода и небо.

На самомъ краю его, какъ невѣдомый, чудный гористый край, постоянно мѣняя свои очертанія, вздымалась серебряная, матово-серебряная, съ золотисто

звуки наступяго рожка... Да, это они. Цѣлый рой воспоминаній, красокъ, образовъ, голосовъ словно вспыхнулъ въ памяти. Такъ разомъ поднимается вверхъ встрѣпоженный рой пчелъ. Какою-то предельною уединенія вѣяло отъ этихъ звуковъ... Мы, словно зачарованные, внимали имъ. И тихая грусть незримо неслышимо проникала въ сердце...

А берега казались все ниже и ниже, концы ихъ направо и налѣво все отходили отъ насъ, сливаясь съ сѣрымъ просторомъ лимана.

— Скажите, какая огромность!—послышалось за мною, и все очарованіе исчезло. Флюсъ въ юбкѣ наслаждался природой.

За одно это выраженіе я готовъ былъ выбросить ее за бортъ.

II.

Отецъ Іоаннъ—командиръ парохода.

Я поднялся наверхъ къ капитану.

Отсюда видъ становился еще шире. Казалось, что еще мигъ—и полусмытые берега лимана пропадутъ вовсе. Мимо насъ быстро проплыла поморская шкуна. На одну